

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько вступительных замечаний	7
Условные обозначения	21

РАЗДЕЛ I

ПЕРЕПИСКА СУПРУГОВ РЕМИЗОВЫХ С ЖИТЕЛЯМИ ПАЛЕСТИНЫ

I.1. «Придумайте что-нибудь и приезжайте сюда»: Переписка Алексея и Серафимы Ремизовых с Виктором и Любовью Залкиндами	23
I.2. «Сердечный привет Вам и Алексею Михайловичу из Палестины»: Письма Рахели Гинцберг-Осоргиной Алексею и Серафиме Ремизовым	151

РАЗДЕЛ II

ВОКРУГ МЕМУАРНОГО ОЧЕРКА ДОВИДА КНУТА ОБ АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ

РАЗДЕЛ III
АВТОГРАФЫ РЕМИЗОВА
НА КНИГАХ, ХРАНЯЩИХСЯ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИЗРАИЛЯ

III.1. «...Весь его образ – хороший и настоящий»:
Автографы Ремизова на книгах и журналах,
подаренных супругам Эйтингонам 211

III.2. «Память страны огненной»:
Автографы Ремизова на книгах,
подаренных Феде Фриш 252

III.3. «Ремизов <...> был самой интересной
книгой своей»: Автографы Ремизова
на книгах, подаренных Марии Цетлиной
и Софии Прегель 282

III.4. «Спасибо Вам за Ваше доброе слово»:
Письма Ремизова к Эмме Левиной 312

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОЧЕРК ЮЛИЯ МАРГОЛИНА
СМОЛКЛА СКРИПКА РЕМИЗОВА

320

Библиография 324
Указатель имен 353

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Алексей Михайлович Ремизов, как известно, никогда не посещал Святую Землю, и материалы, собранные в этой книге, указывают лишь на его опосредованную связь с ней: то ли в виде переписки с жившими там людьми, с которыми его скрепляли долгие годы дружбы, приязнь или знакомство, то ли как автографы, подхваченные ветрами истории и неведомым образом занесенные в израильские архивы, то ли соединенные еще каким-нибудь способом, чью историю было бы небезынтересно и поучительно проследить. При этом следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что для нынешнего израильского читателя имя Ремизова, за малым и редким исключением, не скажет ничего или почти ничего: среди множества переводов на иврит русских литературных классиков 20 столетия — И. Бунина и М. Горького, Ф. Сологуба и А. Куприна, Л. Андреева и А.Н. Толстого, А. Блока и А. Белого, А. Ахматовой и Б. Пастернака, О. Мандельштама и М. Цветаевой, М. Булгакова и А. Платонова, И. Бабеля и Е. Замятина, Ю. Олеши и Д. Хармса, В. Гроссмана и И. Бродского, и т.д., и т.п. — его имя и творчество почти полностью обойдены вниманием переводчиков.

Помимо двух переводов Авраама Шлионского, о чем будет сказано далее, нам известны лишь три перевода Ремизова на библейский язык: заметки *По поводу книги Л. Шестова 'Апофеоз беспочвенности'* (Remizov 1936a),¹ одной из его сказок — *Находка* (Ремизов 1923: 346–47), на тему того, как «дед нашел клад», принадлежащий известной еврейской поэтессе и переводчице Лее Гольдберг и опубликованный в детском журнале *Davar leyeladim* (Remizov 1944), и — более объемный текст и в более позднее время — рассказ *Занофа* (1907), включенный писателем в годы эмиграции в книгу *Зга* (1925); перевод выполнен израильской переводчицей Нили Мирски (Remizov 1980).

Причина того, что крупный русский писатель оказался по большому счету «проигнорированным» ивритской культурной традицией заключается, по-видимому, в том, что она не сумела

¹ См. об этом прим. 3 к п. 19 (между 22 октября 1936 и 28 февраля 1937 г.) от Р.Г. Гинцберг-Осоргиной Ремизову, публикуемому в главе I.2 наст. изд.

обнаружить и выявить в нем близкие и понятные ей художественные коды или испытала нешуточные трудности сопоставиться на ремизовскую своеобразную стилевую и стилистическую волну. Как писал когда-то Ремизову Д.П. Святополк-Мирский (письмо от 11 марта 1924 г.), подчеркивая сложность адекватного перевода его произведений на другой язык: «Но с Вами беда — не перевести» (Хьюз 2003: 350). Возможно, для такого искусного стилиста на родном, русском, языке пока не нашлось умелого ивритского переводчика, и не следует терять надежду, что таковой в будущем еще появится.

Однако до нынешнего времени «ивритского Ремизова» почти не существует: он не представлен (или, точнее, представлен в самой минимальной степени) в разнообразной палитре имен русского литературного Олимпа и, кажется, остается едва ли не единственным — среди писателей такого калибра — неведомым широкому израильскому читателю.

В то же время документально зафиксированы несколько визитов, нанесенных Ремизову в Париже посланцами Святой земли — палестинскими/израильскими творческими деятелями. Причем речь идет не о второстепенных и малоизвестных фигурах, а о видных именах еврейской культуры. Так, например, 17 июля 1937 г. датируется посещение Ремизовых поэтом и переводчиком Авраамом Шлионским (Шлёнский; 1900–1973) — факт, засвидетельствованный альбомом Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, в которой палестинский гость оставил следующую запись (ил. 1):

Я на русском — в стихах — «немой», а Вы на еврейском «глухая», но есть другой язык — общий, несловесный — на нем легче изъясняться человеку в Вашем доме. Мы многое говорили на этом языке, а потому, читая перед Вами на еврейском языке стихи свои, чувствовал, что слышите, а знаете, по-еврейски глагол *слушать* имеет два значения: также *понимать*. Вот почему хорошо было у Вас с первой же минуты.

17/VII/<19>37

Париж

А. Шлионский

<Рукой С.П. Ремизовой:> Переводчик *Евгения Онегина* на еврейский.

Абрам Товиевич Шлонский

Paris 17 VII 1937

Иерусалим¹

¹ ОРФ ГМИРЛИ. Ф. 156, оп. 2, ед. хр. 1293, л. 43.

Ср. с ее же записью о Шлионском, датированной 17 июня 1937 г. (похоже, что кто-то из них — то ли он, то ли сама Серафима Павловна — ошибся в месяце):

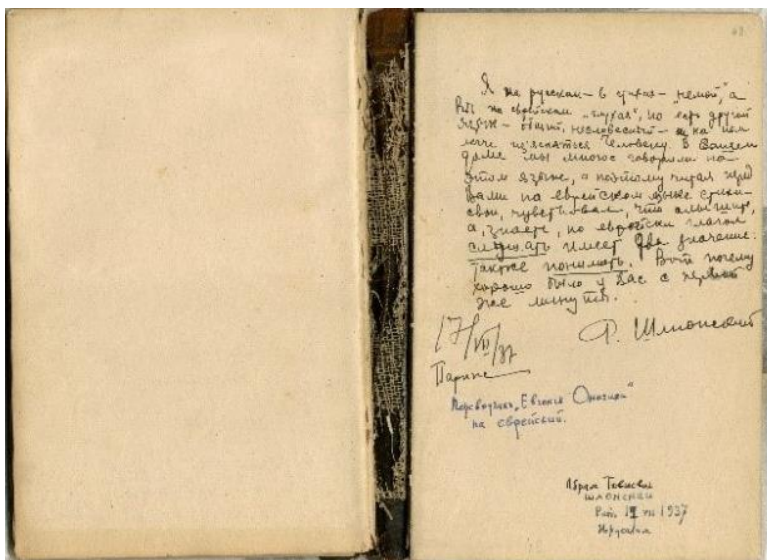
№ 114. Абрам Товиевич Шленский

17.VI.1937

— очень симпатичный и очень талантливый: перевел *Евг<е>ния> Онегина* на еврейский язык.¹

<Рукой Ремизова:>

Чувствует одиночество — в самом деле, русской культуры, а пишет по-еврейски, развиться таланту нет простора (Ремизов 2000—, XVII (2023): 279)².

Ил. 1. Запись А. Шлионского в альбоме С.П. Ремизовой-Довгелло, датированная 17 июля 1937 г.

¹ См. в ее письме от 15 июня 1939 г. супругам Залкиндам, которое публикуется в главе I.1 наст. изд.: «Знаете ли Вы Шлионского? Он служит в газете в Тель-Авиве. Он был у нас несколько раз, и мы с ним подружились, — если увидите, передайте ему большой привет».

² Эта запись русского писателя, знай о ней Шлионский, наверняка сильно его позабавила бы: никакого отсутствия простора для развития своего таланта, живя в Палестине/Израиле, он, конечно, не ощущал, равно как и творческого одиночества в ремизовском смысле. Шлионский творил на иврите, и русский язык служил ему исключительно как подсобный, и только в переводческих целях.

Шлионскому принадлежит перевод на иврит следующего фрагмента из ремизовской *Взвихренной Руси* (раздел *Дережня*):

революция — пробуждение человека
в жестоком дне,
революция — суд человека над человеком,
революция — пожелания человека человеку.
Красна она не судом
— жестокая пора! —
красна озарением
— семенной весенний вихрь! —
пожеланиями человека человеку.
«Взорвать мир!» — «перестроить жизнь!» —
«спасти человечество!»
Никогда так ярко не горела звезда —
мечта человека
о свободном человеческом царстве
на земле,
Россия в семнадцатый год!
но и никогда и нигде на земле
так жестоко не гремел погром.

Еврейский поэт воспринял этот текст как своего рода гражданскую лирику и включил его, под названием *1917*, в том своих поэтических переводов.

Еще один перевод Ремизова, осуществленный Шлионским (скрыт за инициалами А. Sh.), — рассказ *Серебряная песня*¹ (вошел в книгу *Огонь вещей: Сны и предсонье*, 1954). Обратим внимание на немаловажную деталь: ремизовский рассказ был впервые напечатан в парижском журнале *Иллюстрированная жизнь* в марте 1934 г. (Ремизов 1934), а менее года спустя, в июньской книжке тель-авивского журнала *Вата* (Сцена) за 1935 г., появился перевод Шлионского (Remizov 1935).

В письме к Ремизовым от 24 июня 1939 г. от жившего в Палестине В.А. Залкинда, конечно, знавшего об их знакомстве со Шлионским, вновь всплывало его имя как идеального переводчика с русского на иврит (приведено в главе I.1 наст. изд.):

Подумал сейчас, Шилионский <sic> — единственный из еврейских поэтов, который смог бы перевести *Огненную Россию*. Пробовал ли он?

¹ Шлионский ставит авторское название во множественное число и добавляет к нему слово *Eima* (Ужас); заголовок в его переводе звучит так: *Eima ve-tzlilei hakesef* (Ужас и серебряные песни).

Вопрос о переводе на иврит ремизовской *Огненной России*, насколько нам известно, вообще никогда не возникал, но даже до тех текстов, небольших по объему легенд, которые уже были намечены для перевода, могли и вроде бы должны были быть им переведены и напечатаны в палестинской газете *Ha'aretz*, руки этого высококлассного еврейского переводчика, к сожалению, так и не дошли. О том, что Шлионского отвлекла от этого поглотившая его работа над переводом пушкинского *Евгения Онегина*, сообщала в письме к Ремизовым от 11 апреля 1937 г. Р.Г. Гинцберг-Осоргина (публикуется в главе I.2 наст. изд.). Кроме того, писала она в том же письме, Шлионский ей объяснил,

что встретил трудности в переводе их <легенд>, и т.к. он в мае едет в Париж, то придет к Вам познакомиться и поговорить о своих затруднениях.

Именно об этом, судя по всему, и шел разговор во время посещения Шлионским дома Ремизовых. Мы не знаем, какие впечатления были вынесены им из этой встречи, но к текстам Алексея Михайловича он никогда более не обращался: возможно, трудности перевода показались ему слишком серьезными, а то и вовсе непреодолимыми.

Другой визитер Ремизова — Юлий (Иехуда) Борисович Марголин (1900–1971), израильский публицист, писатель, поэт, общественный деятель, прошедший ад сталинского лагеря, в результате чего им была написана знаменитая книга *Путешествие в страну Зе-Ка* (в 1949 г. вышел ее французский перевод; в 1953 г. — русский оригинал).¹ Оказавшись в Париже, когда он возвращался в Израиль с проходившего в сентябре 1951 г. в Андлау (Эльзас) международного colloquium, посвященного психологии интеллектуала-коммуниста,² и решив посетить Ремизова, Марголин обратился к нему со следующим письмом, датированным 21 сентября:

¹ О Ю.Б. Марголине см.: Хазан 2022а; Хазан 2023; Марголин 2023–24.

² На этом colloquium собрались известные представители западной мысли: французы — писатель, философ, социолог Роже Кайуа и журналист Жюль Моннеро, итальянский писатель Никола де Кьяромонте, американский философ Сидней Хук, литературовед и культуролог Владимир Вейдле (эмигрант из России), польский поэт, переводчик, эссеист Чеслав Милош, швейцарский писатель, философ и общественный деятель Дени де Ружмон и др.

Дорогой Алексей Михайлович,

Пишет Вам один из массы Ваших читателей, Юлий Марголин, палестинец, житель г. Тель-Авива, проездом в Париже. Адрес Ваш сообщил мне Н.Д. Набоков.¹ Очень хочу Вас повидать и, если можно, приобрести последние Ваши книги.

Сообщите мне открыткой или по телефону (Trudaine 70–29), когда можно Вас навестить. Это визит не «от нечего делать» или праздного любопытства: в семье Марголиных любят писателя Ремизова.

Ю. Марголин²

По-видимому, Ремизов ответил согласием, и такой визит — «не от нечего делать» — был нанесен, свидетельством чему является запись супругов Марголиных³ в ремизовском альбоме, датированная 25 сентября 1951 г. (см. ил. 2).

Ил. 2. Запись супругов Марголиных в гостевом альбоме Ремизовых, датированная 25 сентября 1951 г.

¹ О знакомстве Марголина с композитором Н.Д. Набковым см. в Приложении.

² ОРФ ГМИРЛИ. Ф. 156, оп. 3, ед. хр. 105.

³ Женой Марголина была Ева (Хава) Ефимовна (урожд. Спектор; 1898–1977), чей брат, пианист Александр Спектор (?–1963), живший в эмиграции в Париже, по сохранившемуся семейному преданию, хорошо знал Ремизова (сообщено автору данной книги одним из членов семьи Марголиных).

Тому же Марголину принадлежит некрологический очерк *Nadam kinoro shel Remizov* (Смолкла скрипка Ремизова), напечатанный в ивритоязычной газете *Haboker* (Утро), который, в переводе на русский язык, публикуется в наст. издании (см. Приложение). Марголин от самого Ремизова узнал, что в качестве палестинского (израильского) гостя у него имелся предшественник Авраам Шлионский — об этом в его очерке имеется прямое свидетельство:

Когда несколько лет тому назад пишущий эти строки посетил Ремизова в Париже, чтобы передать ему привет от его читателей в Израиле, он вспомнил, что был у него уже один гость из Израиля, по имени Шлионский.

Известный издатель — российский (газета *Копейка*, журнал *Солнце России*), а впоследствии эмигрантский (журнал *Жар-Птица*) — Александр Эдуардович Коган (1878–1949)¹ жителем Палестины, разумеется, не являлся, хотя и посетил ее однажды, и не просто посетил, а летом 1924 г. организовал и финансировал художественно-этнографическую экспедицию в Святую землю, среди участников которой были такие крупные творческие деятели, как, скажем, Леонид Пастернак (см. об этом подробно: Weissblei 2017; Вайсблай 2023).

Предприимчивый и энергичный Коган постоянно стремился к созданию международных издательских конгломератов, которые тиражировали бы одно и одно же издание на разных языках: русском, немецком, французском, английском. Эти предприятия изобиловали для его современников многими неопределенностями, нередко ложно истолковываемыми, поскольку удававшиеся издательские опыты, блестящие по содержанию и исполнению, чередовались с неосуществленными, и какие-то слухи и толки о фиктивных изданиях опережали, а то и вовсе замещали реальные продукты печатного станка. Так, следует думать, жертвой дезинформации стал постоянно материально нуждавшийся Ремизов, который, опираясь на дошедшие до него из Англии слухи, просил в письме к Когану от 3 октября 1924 г. выдать ему гонорар за участие в издании, которого фактически не существовало (ил. 3):

¹ См. о нем: Флейшман 1979 (Флейшман 2006: 210–15); Marten-Finnis, Dukhan 2005; Мартен-Финнис 2008; Хазан 2007а; Хазан 2023b (испр. и доп.: Хазан 2026); Шехурина 2009 и др.

3 octobre 1924
Paris

Дорогой Александр Эдуардович

Хочу попросить вас: я получил письмо от М.В. Виленкина¹ от 20.8.24 он пишет мне, да и раньше писал, что в *Fire-Bird*² будут напечатаны мои сказки по-английски³

нельзя ли мне получить гонорар сейчас
или в счет гонорара.

У меня совсем нет денег.

Алексей Ремизов

Адрес старый:

Alexeï Rémirov
120 bis Av. Mozart
5 Villa Flore
Paris XVIe

Серафима Павловна вам кланяется⁴

Само это письмо вместе с небольшим собранием архивных документов Когана оказалось после его смерти в Израиле, и мы полагаем, что это дает законное основание причислить его к артефактам, которые — пусть не прямым, а опосредованным образом — кумулирует и объединяет тема, вынесенная в заглавие нашей книги.

Безусловно, не следует преувеличивать представлений Ремизова о реальной Палестине, ее истории и современности, и знания им того, какие процессы и события — политические, экономические, социальные, культурные — там происходили. Сомнительно, чтобы при всем филосемитизме писателя такие понятия, как «сионизм» или «еврейский национальный очаг», представляли для него какой-либо интерес или актуальное значение. Его мало, очевидно, занимал вопрос о том, что двигало людьми, которых он довольно близко знал, как, например, уже называвшегося В.А. Залкинда и его будущую жену Л.Я. Яппу (переписка с которыми, в частности, занимает немалое количество страниц в нашей книге), чтобы отправиться в эту далекую

¹ Марк Владимирович Виленкин (1891–1961), адвокат, жил в эмиграции в Англии.

² Т.е. якобы в английской версии журнала Когана *Жар-Птица*.

³ Ремизов был представлен в русскоязычном издании *Жар-птицы* рассказом *Крестовая барышня* (1921, № 3, сс. 22–6) и трехчастным стихотворным циклом *Вереница* (1923, № 10, сс. 33–5).

⁴ NLI. Manuscripts & Rare Schwad 01 19 41.

и неведомую землю и, зачастую отказываясь от многих благ цивилизации, целиком отдавать себя строительству там Еврейского государства. Столь наивные суждения, как вышеприведенная запись об А. Шлионском, или вопрос, обращенный к В.А. Залкинду (письмо от 18 марта 1924 г. (№ 21), см. главу I.1), навсегда поселившемуся в Палестине, долго ли он там еще пробудет,¹ с головой выдают ремизовский «инфантилизм» в палестинском вопросе и явную недооценку стремления еврейской интеллигенции служить интересам своего народа. Восток вообще и Палестина в частности, безусловно, интересовали литературного орнаменталиста Ремизова прежде всего с художественно-апокрифической стороны.

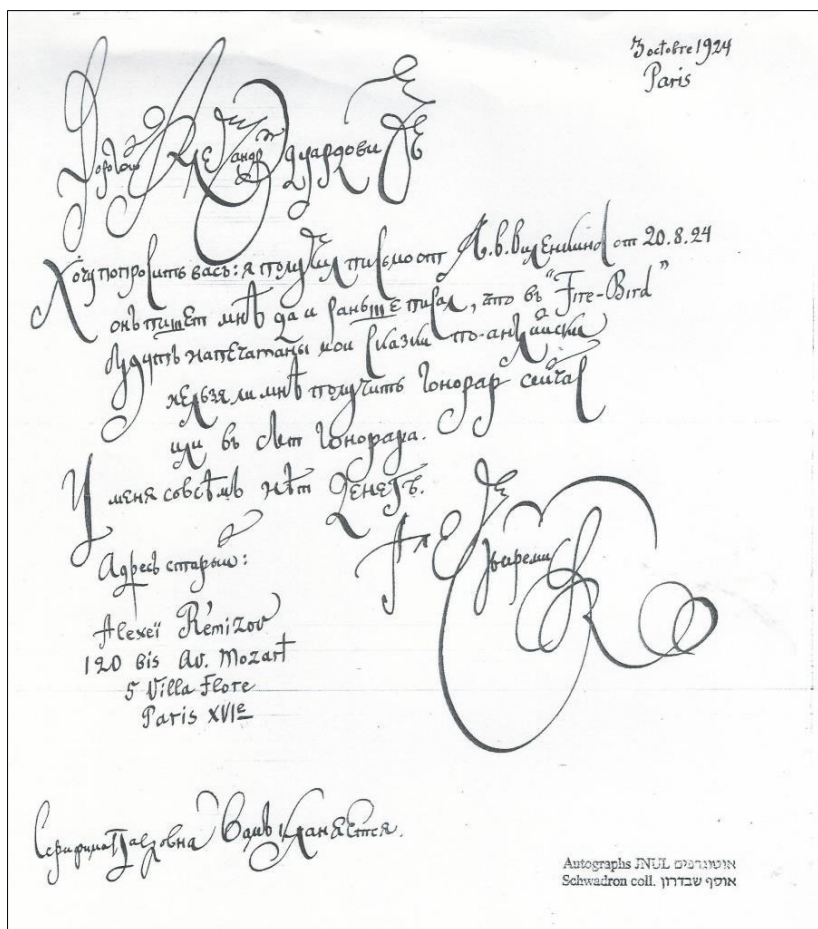
Говорится это, разумеется, никаким образом не в осуждение русского писателя и его жены, а как констатация объективного факта. Палестина олицетворяла для них Святую землю в ее исключительно христианском мировидении и мироощущении, ср. в письме Серафимы Павловны к Л.Я. Яппу от 11 июля 1925 (глава I.1): «Для меня Палестина — святая...». Представить нечто иное за пределами этой святости — то, ради чего те же Залкинды оставили Европу и влились в ряды участников сионистского проекта, Ремизовы по своему духовному складу едва ли могли.² Этот факт *in rerum natura*, повторимся, не из области оценочных, тем более что оценивать здесь, собственно, нечего и незачем, однако, в то же время невозможно игнорировать его вовсе, в особенности когда речь заходит о русских писателях и еврейской Палестине, а именно этот аспект является наиболее значимым и существенным для нашей работы.

Помимо прямых контактов Ремизова с жителями Палестины/Израиля, речь в данной книге идет о материалах, отложившихся в израильских архивах, что было продемонстрировано на примере письма Ремизова Александру Когану. Помимо самого по себе существенного приращения новой информации о биографии и творчестве писателя, это важно еще и потому, что значительно расширяет сферу его духовного присутствия в

¹ Ср. в другом письме, от 11 июля 1925 г. (№ 36): «Когда-то вы кончите ваши работы в Палестине и переедете сюда<?>», как будто сионист В.А. Залкинд, презрев ожидаемые его лишения, отправился в Землю предков лишь в краткое путешествие.

² Вместе с тем отметим любопытную деталь: интерес Серафимы Павловны к еврейскому языку — не важно, с какими намерениями он был связан, см. вопрос, обращенный к ней Залкиндом (п. 41, от 3 июня 1927 г.): «Не отказались ли от мысли заняться еврейским?»

культурном пространстве страны, в которой он физически никогда не бывал. Такой ракурс обзора вводит нас в более обширную и, как представляется, в весьма небезытересную тему «Ремизов и евреи (еврейство)».

Ил. 3. Письмо Ремизова А. Когану от 3 октября 1924 г.

Следует заметить, что изучение материалов, собранных в наст. изд., имеет свою историю: началось оно достаточно давно — с пионерской работы Л.С. Флейшмана *Из комментариев к 'Кукхе'*. Конкретор Обезвельволпала (Флейшман 1977 (Флейшман 2006: 171–81; Флейшман 2022)), в которой шла речь об уже упомянутом нами В.А. Залкинде, палестинском (позднее — израильском) инженере, по-дружески близком Ремизову, члене

Обезьянней палаты, ставшем одним из персонажей прозы писателя (см. их переписку в главе I.1). К этому же кругу работ относится публикация ремизовского письма переводчику, журналисту, художественному (литературному, театральному, балетному и пр.) критику, культуртрегеру, распространителю и популяризатору русской культуры в Германии Павлу/Паулю (собств. Хаим-Файвел) Абрамовичу Бархану (1876–1942), принадлежащая Р.Д. Тименчику (см.: Тименчик 2006 (Тименчик 2008: 126–30)).

Если известный парадокс В. Шкловского о Ремизове — о том, что он «живет в жизни методами искусства» (*Zoo, или письма не о любви*, 5-е письмо), приложить к разъехавшимся по многим и разным странам и весям то довольно солидным документарным корпусам, а то мелким и дробным, хотя и лакомым архивным кусочкам, картина живо напомнила бы хаотическую массу фактов, лиц, событий, реалий, которую художник собирает в цельное и целостное единство. И в этом смысле хранящиеся в израильских *gnazim* (ивритское название писательских архивов) в целом небезынтересные осколки, связанные с именем Ремизова, зачастую неизвестные даже специалистам, в соединении с другими массивами его писем и записок, рукописей и рисунков, фотографий и автографов — всего того, что по историческому капризу оказалось нередко разделенным между собой тысячами километров, могло бы сослужить добрую службу в дальнейшем изучении ремизовского биографического и художественного мира, а вместе с ним и в обнаружении еще неизвестных локусов и объяснении «темных пятен» российской словесности 20 столетия вообще.

В Палестине/Израиле жили люди, довольно близко знавшие Ремизовых по годам эмиграции в Берлине и Париже и на протяжении многих лет дружившие или, по крайней мере, знакомые с ними: упоминавшиеся выше супруги Виктор Александрович и Любовь Яковлевна Залкинды, Мирра Яковлевна и Макс Ефимович Эйтингоны, Рахель Григорьевна Гинцберг-Осоргина, Довид Кнут. За этими известными лицами мелькают в публикуемых письмах имена мало- а то и вовсе неизвестные, как, например, некая г-жа Леви (см. п. 41 от Залкинда Ремизовым, датированное 3 июня 1927 г.), которой Алексей Михайлович передал в Палестину свою книгу. Палестинский *milieu* Ремизова — круг людей, довольно ограниченный в количественном отношении, однако их участие в бытовой и — какими-то сторонами и гранями — в культуротворческой жизни писателя,

безусловно, делает проблему изучения этой темы насущно необходимой и важной. При этом, как уже подчеркивалось выше, она имеет несколько уровней и плоскостей, что естественным образом отразилось и в содержании нашей книги, и в самом ее построении.

Особое место в предпринятой попытке обрисовать ремизовское присутствие в духовно-культурном (артефактном) пространстве Земли Израиля занимают упомянутые выше автографы, значительная часть которых была адресована как раз не ее обитателям, а тем, кто никогда, равно как и сам даритель, в ней не бывал. Поиск того, какими путями те или иные книги попали в израильские книго- и архивохранилища, как скажем, автограф А. Блока на экземпляре сборника его стихов *Ночные часы* (1911), подаренного А. Белому и оказавшегося в NLI,¹ мог бы стать увлекательным историко-библиографическим исследованием. Однако мы решили «следственную» сторону дела в данном случае не актуализировать и не задаваться вопросом о том, как это произошло. Сам факт того, что книга с ремизовской дарственной надписью оказалась в Израиле, послужил достаточно веским основанием для того, чтобы говорить о «духовной материализации» ее автора в культурной ауре Святой земли.

Автографы в качестве едва ли не одной из разновидностей «эго-документа»² в случае с Ремизовым представляют, как известно, особый интерес, поскольку в большинстве своем обладают самоценным значением — являются своего рода оригинальной художественной миниатюрой, пограничем словесного и зрительно-пластического образа, феноменом графического искусства. Как удачно сформулировал эту мысль Ю. Анненков,

графика Ремизова часто переходила в почерк, а почерк его, бравший корни из древне-славянского буквенного сплета, превращался в каллиграфическую симфонию углов, закорючек и росчерков, которыми порой можно было любоваться, даже и не вникая в то, что там было написано (Анненков 1991 (1966), I: 228).

¹ См. об этом: Флейшман 1979а, где рассказано, как совершилось данное многоверстное географическое перемещение в пространстве: блоковский сборник отложился в личной библиотеке Ф. Фриш (см. о ней главу III.2), переданной в NLI.

² См. об этом подробнее, напр.: Озеров 1979; Бек 1979; Автографы поэтов 1995; Сеславинский 2015 и мн. др.

Поиск и обнаружение новых ремизовских автографов приобретает тем самым значение самостоятельного исследовательского акта.

Итак, по принятому в данной книге допущению, что несмотря на то, что нога писателя никогда не ступала на Святую землю, он тем не менее имеет «право на прописку», пусть даже условную, поскольку здесь собраны довольно небезынтересные материалы из его личного бытового и творческого хозяйства, включая письма и автографы, воспоминания о нем и пр. Сознавая, что подобное допущение не выглядит абсолютно безупречным с точки зрения формальной логики, мы тем не менее настойчиво его придерживаемся, аргументируя свою настойчивость итоговым результатом давно задуманного и, наконец-то, осуществленного проекта, по крайней мере, информативность и фактографическую новизну которого трудно отрицать или оспорить.

Книга состоит из 3-х разделов.

I-й раздел (*Переписка супругов Ремизовых с жителями Палестины*) составляют два эпистолярных корпуса, представленные соответственно в двух главах:

- переписка Алексея Михайловича и Серафимы Павловны с В.А. Залкиндом и его невестой, а впоследствии женой Л.Я. Яппу-Залкинд;¹

- письма к Ремизовым Р.Г. Гинцберг-Осоргиной.²

И в том, и другом случаях начало эпистолярного общения приходится на время, предшествующее поселению ремизовских корреспондентов в Святой земле, и было бы странно на этом основании отсекал часть писем только потому, что они написаны не из Палестины и не в Палестину. Поэтому в I-й раздел включены все сохранившиеся письма, принадлежащие Ремизовым — с одной стороны и В.А. Залкинду, Л.Я. Яппу-Залкинд и Р.Г. Гинцберг-Осоргиной — с другой.

II-й раздел (*Вокруг мемуарного очерка Довида Кнута об Алексее Ремизове*) построен в виде дискуссии, связанной с толкованием мемуара русско-еврейского поэта Довида Кнута о Ремизове, которого он знал по времени парижской эмиграции и о котором рассказал в ивритоязычной печати после своей репатриации в Израиль в 1949 г.

¹ Первоначальный — сокращенный — вариант этой главы см.: Хазан 2025а.

² Первоначальный вариант этой главы см.: Хазан 2024а.

Наконец, в III-м разделе собраны ремизовские автографы на подаренных им книгах и несколько его записок, хранящихся в NLI.¹

Несколько замечаний технического порядка.

Конъектуры в тексте книги показаны в угловых скобках. Слова в письмах, вызывающие у публикатора сомнение в правильности их прочтения, помечаются вопросительным знаком, взятом также в угловые скобки. Подчеркивания, разрядка, жирный шрифт или иные способы выделения слов или фразовых отрезков по всему текстовому корпусу книги заменены курсивом. Нумерация иллюстративного материала локализуется в каждой отдельной главе. При печатании писем сохраняется примерный графический рисунок и структурная композиция оригинала. В обязательном порядке воспроизводятся адреса (отправителя и адресата), указанные на конверте. Новое издание (расширенное, дополненное или перепечатка), а также включение в книгу той или иной работы, на которую дается библиографическая ссылка, заключены в круглые скобки.

За щедрую помощь, оказанную при работе над этой книгой, автор выражает глубокую душевную благодарность своим друзьям и коллегам, сделавшим все возможное, чтобы она была написана и увидела свет: Ларисе Жуховицкой и Анне Урюпиной (обе — Москва), Алле Грачевой и Елене Обатниной (Санкт-Петербург), Григорию Утгофу и Анне Симагиной (оба — Таллин), Федору Полякову и Томасу Микуле (оба — Вена).

¹ Некоторые материалы, вошедшие в III-й раздел, были опубликованы в предыдущих работах автора — о супругах Эйтингонах см.: Хазан, Ильина 2014; Khazan and Janzen 2021 (index); о С.Ю. Прегель см.: Прегель 2017; о Э.Н. Левиной см.: Хазан 2025b: 338–348.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва, Россия)

ОРФ ГМИРЛИ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея (Москва, Россия)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва, Россия)

AmRP — Amherst College, Center for Russian Culture (Amherst, Massachusetts, USA). Alexei M. Remizov Papers (с дальнейшим указанием архивной атрибутики — box и folder)

ISA — Israel State Archives (Jerusalem, Israel)

NLI. Manuscripts & Rare — National Library of Israel. Dept. of Manuscripts & Rare Books (Jerusalem, Israel)

NLI. Manuscripts & Rare. Schwad — National Library of Israel. Dept. of Manuscripts & Rare Books. The Abraham Schwadron (Sharon) Collection (Jerusalem, Israel)

RAL — Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds, UK)

CZA — The Central Zionist Archives (Jerusalem, Israel)

n — note (после страницы указывает на номер постраничной сноски/примечания в комментариях)

РАЗДЕЛ I

ПЕРЕПИСКА СУПРУГОВ РЕМИЗОВЫХ С ЖИТЕЛЯМИ ПАЛЕСТИНЫ

I.1. «ПРИДУМАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ И ПРИЕЗЖАЙТЕ СЮДА»

ПЕРЕПИСКА АЛЕКСЕЯ И СЕРАФИМЫ РЕМИЗОВЫХ С ВИКТОРОМ И ЛЮБОВЬЮ ЗАЛКИНДАМИ

Во вступительной статье уже говорилось о том, что полузабытое имя палестинского (впоследствии — израильского) инженера, позднее — ученого и дипломатического представителя в ООН и израильском посольстве в США Виктора Александровича Залкинда было введено в историко-литературный обиход проф. Лазарем Флейшманом в связи с ремизовской *Кукхой* (Флейшман 1977 (Флейшман 2006: 171–81; Флейшман 2022)). В чинах «конкректора» и «маршала» Залкинд состоял членом ремизовского «шутейного ордена» Обезвелволпал (Обезьянья Великая и Вольная Палата), который, по словам биографа писателя Н.В. Резниковой, был для него «выходом из ограниченной трехмерности» обыденного существования, «неприятием нормальной “нормы”, обязательной для человека» (Резникова 2013 (1980): 40–1). Залкинд был принят в Обезвелволпал в Цербсте (Германия), где он работал в качестве инженера на немецком предприятии и куда 17–18 июня 1922 г. приехал к нему Ремизов. Л. Флейшман, который знал Залкинда лично, писал о нем:

<...> Виктора Александровича Залкинда <...> сблизили с Ремизовым культ мистификации и культ Розанова. <...> Титула «конкректор» В.А. Залкинд удостоился в связи с приездом Ремизова в Цербст 17–18 июня 1922 г. Титул этот в такой же степени покоится на «смещении», как и прочие «документальные» утверждения *Кукхи*, и в такой же степени основан на ошибке и «письменах», как появление Розанова (из Рожкова—Розикова—Розинова) в начале книги. Так — вместо «конкректор» — была прочитана Ремизовым надпись на надгробии в цербстской St.-Nikolaus-Kirche. После установления ошибки термин был включен в номенклатуру Обезвелволпала и присвоен В.А. Залкинду (Флейшман 1977: 190 (Флейшман 2006: 177–78)).

К сегодняшнему дню объем сведений о Залкинде заметно расширился: опубликована его переписка с рядом корреспондентов — с супругами Прегелями (Хазан 2004 (Хазан 2022)), Марком Вишняком (Хазан 2025: 57–68), Борисом Пантелеймоновым (Хазан и Жуховицкая 2024/2025; расширенная версия: Хазан и Жуховицкая 2026). Однако многие стороны его биографии остаются неизвестными. Публикуемая в данной главе его (и его супруги) переписка с четой Ремизовых служит дальнейшему изучению этой незаурядной личности, а с точки зрения основного предмета и задач нашей книги — расширяет представление о связи русского писателя с людьми, населявшими Землю обетованную.¹

Виктор Александрович Залкинд родился 27 сентября 1895 г. в Гомеле в семье Александра Вениаминовича и Розы (Раисы) Яковлевны Залкиндов.² Его друзьями детства были двоюродные братья Выгодские — в будущем литературовед-испанист и переводчик Давид Исаакович (1893–1943) и психолог Лев Семенович (1896–1934), известный как Выготский (ил. 1).

Ил. 1. Слева направо: Лев Выгодский (Выготский), Давид Выгодский, Виктор Залкинд (Гомель, 1-я декада 1900-х гг.)

¹ Четыре письма из этой переписки — Ремизова Залкинду, были опубликованы Л. Флейшманом в работе, упомянутой выше: Флейшман 1977 (Флейшман 2006: 171–81; Флейшман 2022). Чтобы сохранить полноту и целостность публикации этой переписки, все они, с любезного согласия первопубликатора, включены в данную книгу.

² Об отце Виктора Александровича см. прим. 7 к п. 24 (5 мая 1924) от С.П. Ремизовой к Л.Я. Яппу, о матери — прим. 1 к п. 30 (16 июля 1924) от Розы Залкинд супругам Ремизовым.

Много лет спустя, уже после трагической гибели Давида в Карагандинском исправительно-трудовом лагере, Мария Хейфец, сестра его жены, детской писательницы Эммы Иосифовны Выгодской (урожд. Хейфец; 1898–1949), писала Залкинду из Ленинграда в Иерусалим:

Ленинград 28/VIII–<19>45 г.

Милый Виктор Александрович! Это пишет Вам Маня Хейфец, сестра Эммы, жены Давида, Вашего друга. Пишу за нее, потому что она плохо видит.

Мы счастливы победоносному окончанию войны, и все радуемся за сына Эммы Асика, который четыре года находится в рядах нашей доблестной Красной Армии и принимал участие в борьбе с агрессором.¹

Сообщаю Вам, что Давид погиб еще в июле 1943 г. Бедная Эмма также пострадала от руки немецких варваров; ее квартира разбита фашистской бомбой, все книги и имущество погибли. К счастью, она успела выскочить из дома в одной летней жакетке. Она перенесла вместе с нами в Ленинграде тяжелую вражескую блокаду, и здоровье ее подорвано. Она часто вспоминает о Вас как единственном старом настоящем друге.

Если хотите написать ей, она будет счастлива. Пишите по моему адресу: Ленинград, улица Егорова, дом № 18, кв. 66, Марии Иосифовне Хейфец.

<Рукой Эммы Выгодской:> Милый Витя! Хотела бы знать, что с Вами и как Вы живете. Помню Вас как настоящего друга. О горе моем Вы знаете из письма моей сестры. Пишите мне по ее адресу. Целую Вас и сердечно приветствую Вашу жену!

Эмма²

Вернемся, однако, в юношеские годы Виктора Залкинда. После переезда семьи в Петербург он поступил в гимназию Якова Григорьевича Гуревича,³ в которой в разное время учились

¹ Имеется в виду Исаак Давидович Выгодский (1922–1992), сын Давида Исааковича и Эммы Иосифовны.

² NLI. Manuscripts & Rare. Coll. Kurt David Vormann. ARC 4* 1682 05 157.

³ Поэт-эмигрант В.А. Верещагин, сын писателя-баталиста и племянник художника-баталиста, так описывал директора гимназии Я.Г. Гуревича: «Маленький толстый, с седыми бачками и с вечной сигарой во рту, крикун он был отчаянный и так порою увлекался, что кричал на своего собственного сына, ученика 6-го класса, угрожая, “как окурок сигары”, выкинуть его из училища» (Верещагин 1968: 12–13).

многие будущие знаменитости, например, скульптор Г.В. Дерюжинский (см.: Резникова-Дерюжинская 1980: 95), князь Ф. Юсупов, один из участников убийства Г. Распутина (Юсупов 1927) или композитор И.Ф. Стравинский.

В 1914 г. Залкинд стал студентом петербургского Политехнического института, окончив который в 1921 г., получил диплом инженера-механика. В том же 1921 г. он покинул Россию и два года работал инженером в Англии и Германии. Знакомство молодого инженера с Ремизовым оставило след не только в его собственной биографии, но и имело некоторые последствия для истории русской литературы в изгнании.

В конце 1923 г. Залкинд приехал в Эрец-Исраэль и 25 лет (1924–1949) отдал развитию израильской промышленности: был директором фабрики по производству поташа на Мертвом море (Palestine Potash Company), работал в Palestine Water Company, где занимался исследованием водных ресурсов, мелиорацией, гидротехническими сооружениями на Ближнем Востоке вообще и в Палестине в частности. Во второй половине 20-х гг. из-за тяжелых условий в палестинской экономике ему пришлось перебраться в Египет и поступить инженером на завод вблизи Суэцкого канала. В 1950–1957 гг. он являлся советником по науке в израильском посольстве в США и позднее — при представительстве Израиля в ООН. Уход Залкинда на пенсию явился, как видно, следствием его бескомпромиссного и решительного характера и направленных против него служебных интриг в министерстве иностранных дел. Имя Залкинда почти перестало фигурировать в официальных источниках: ни одна израильская энциклопедия не упоминает его, несмотря на несомненные заслуги этого человека в научной, промышленной, дипломатической и общественной сферах.

Выйдя на пенсию, Залкинд продолжал жить в Нью-Йорке, но после смерти в январе 1971 г. жены (см. о ней далее) вернулся в Израиль. Скончался он 2 декабря 1986 г. Его останки покоятся на Масличной горе в Иерусалиме.

Человек широко образованный, эрудит и книголюб, свободно владевший пятью языками — русским, английским, ивритом, немецким и французским (мог также объясниться на голландском и арабском), Залкинд был членом многочисленных международных научных обществ и ассоциаций. Интересы его были многочисленны и разнообразны: он прекрасно знал русскую литературу; помимо Ремизова, состоял в дружеских отношениях с Борисом Григорьевичем Пантелеймоновым (1888–1950), с которым познакомился, когда тот жил в Палестине и

работал в Palestine Potash Co Ltd. (об этом периоде жизни Б.Г. Пантелеймонова см.: Агурский 1992; см. также упомянутую выше публикацию переписки между ними: Хазан и Жуховицкая 2024/2025 (Хазан и Жуховицкая 2026). В NLI хранятся книги Пантелеймонова *Зеленый шум* (Париж, 1947) и *Звериный знак* (Париж, 1948), преподнесенные автором Залкинду с дарственными надписями:

- на *Зверином знаке*: «Виктору Александровичу Залкинду от Пантелеймонова

23.IX.48. Париж»;

- на *Зеленом шуме*: «Дорогому Виктору Александровичу Залкинду от молодого писателя.

Б. Пантелеймонов

на стр. 25 вставлено по-Вашему “в Австралию”».¹

Виктор Александрович относился к тому любознательному типу людей, которым интересно почти все на свете. Его архив содержит несметное число газетных и журнальных вырезок на многих языках — привычка собирать информацию из каких угодно источников, в том числе информацию курьезную, анекдотическую, преследовала его всю жизнь (ряд перлов приведены в его письме Ремизову от 24 июня 1939 г., № 67). Владея, как было сказано, разными языками, он просматривал многочисленную, доступную ему мировую периодическую печать, заполняя бесчисленное множество папок всякой всячиной — от серьезных анализов политических событий до юмора в разных его проявлениях. Не был лишен он таланта и склонности к собирательской деятельности: в его архивной коллекции имеются подлинные редкости — скажем, от грамоты Екатерины Великой до оригиналов писем Бернарда Шоу или «отца футуризма» Ф. Т. Маринетти. При этом Залкинд охотно делился своими библиографическими находками со специалистами или издателями. Так, фотостат с оригинала письма Оскара Уайльда он отправляет в лондонское издательство Rupert Hurt-Davis Ltd. В его архиве сохранилось письмо следующего содержания, подписанное владельцем этого издательства:

¹ Вторая надпись (по времени, по-видимому, первая) представляет интерес не только библиографический, но и в каком-то смысле текстологический: из нее можно заключить, что Залкинду принадлежит какая-то подсказка на ранней, конфиденциальной, стадии рождения пантелеймоновского текста.

Rupert Hart-Davis Limited
Publishers

Rupert Hart-Davis
Herbert Agar (U.S.A.)
A. S. Frere, C.B.E.
Richard Garnett
H. L. Hall
H. B. Townshend

36 Soho Square
London W I
Telephone
Gerrard 2348
Cables
Ruperto Wesdo

13 February 1958

Mr Victor A. Sakkind
345 West 58th Street
New York 19 N. Y.

Dear Mr Salkind

Many thanks for your letter of February 8th and for the Photostat of your Oscar Wilde letter. I wish I could identify the recipient for certain, but, as you say, that's scarcely possible. On the whole I should think it was most likely to have been Arthur Clifton. I believe he was a lawyer but I haven't succeeded in finding out any more about him. If I do I'll let to know.

With renewed thanks for your kindness.

Your sincerely,

Rupert Hart-Davis¹

Кругу интересов Залкинда соответствовал его обширный человеческий *milieu* из разных профессиональных сфер. Обнаружить материалы, свидетельствующие о его встрече и знакомстве с Романом Якобсоном, не удалось, но не исключено, что таковая состоялась и, перефразируя классика, Залкинд, для которого инженерно-техническая деятельность была «жена», а мир

¹ NLI. Manuscripts & Rare. Victor A. Salkind Coll. ARC 4* 1642. Box SR 7224240250236.

Перевод:

Уважаемый г-н Залкинд,

Большое спасибо за Ваше письмо от 8 февраля и фотокопию письма Оскара Уайльда. Хотелось бы точно установить получателя, но как Вы и говорите, это едва ли возможно сделать. В целом я полагаю, что это, скорее всего, был Артур Клифтон. Полагаю, он был адвокат, но мне не удалось собрать больше информации о нем. Если обнаружу, сообщу Вам.

Вновь благодарю за Вашу любезность.

Искренне Ваш

Руперт Харт-Дэвис

литературно-языковых и вообще гуманитарных интересов являлся «любовницей», имел беседу с выдающимся филологом 20 столетия. По крайней мере, сохранился черновик письма, составленного, скорей всего, им самим и переданного его близкому другу, известному ученому-физику, предпринимателю и общественному деятелю. Б.Ю. Прегелю, от имени которого оно, как видно, и должно было быть адресовано Якобсону.¹

.....
.....
A friend of mine, Mr Victor A. Salkind from Jerusalem, Israel, has been in this country since 1949 on assignment on behalf of the Government of Israel and Israeli scientific institutions, serving for four years as Scientific Counsellor at the Embassy of Israel in Washington, D.C. and before and after that — as Scientific Advisor to the Permanent Mission of Israel to the United Nations.

Mr. Salkind completed recently his assignments with the Government of Israel and, for personal reasons, is planning to remain here for an additional period of time. He would like, therefore, to offer his services to an organization or institution which could practically use his professional and linguistic qualifications.

Mr. Salkind was born and educated in Russia. He graduated the Polytechnic Institute of Petrograd in 1921 where he received the degree of Mechanical Engineer. He not only knows the Russian language as such, but is well acquainted with the current scientific and technological literature published in the USSR. Considering Mr. Salkind's experience in dealing with diversified scientific and engineering problems and his knowledge of languages, I wonder if you would be interested in using his abilities and qualifications within the framework of the Russian Center's activities.

I have known Mr. Salkind for many years and have no hesitation to guarantee for his political loyalty and integrity.

For your information I am sending you his curriculum vitae together with a list of persons who know well Mr. Salkind and who will be glad to answer inquiries about him.

Mr. Salkind will, of course, be glad to come to Cambridge to see you should you desire so.

.....
.....²

¹ Рукой Залкинда помечено на иврите: Б<орису> Ю<льевичу> ל
נמסר 7/10/<19>58 (передано Борису Юльевичу <Прегелю>).

² NLI. Manuscripts & Rare Books. Victor A. Salkind Coll. ARC 4* 1642.
Box SR 7224240250236.

Перевод: Мой друг г-н Виктор А. Залкинд из Иерусалима, Израиль, находится в этой стране <т.е. в США> с 1949 года, по назначению